

— Твоя работа? — спросил Цинь Цзуй.

— Счастлив? — спросил Цзян Чу.

Он снова залюбовался тортом собственного приготовления... вернее, россыпью иероглифов «Цзуй», которыми щедро украсил весь крем. Напоследок он воткнул по центру свечи в виде цифры «18», которые специально выпросил в кондитерской.

Цинь Цзуй молча скользнул взглядом по лицу Цзян Чу, сосредоточенно зажигавшего свечи. Ничего не сказав, он ушел на кухню и отварил себе миску простой лапши.

Когда Цинь Цзуй вернулся с дымящейся миской, Цзян Чу уже скинул диванные подушки на пол, устроился на них, подогнув ногу, и увлеченно грыз утиную лапку под бормотание телевизора.

— Давай сюда, — Цзян Чу похлопал по подушке рядом с собой.

Цинь Цзуй устроился рядом, подвинул миску поближе к середине и выудил бутылку из пивной батареи, выстроенной на полу возле журнального столика.

— Но-но, — Цзян Чу бросил косточку на тарелку, быстро вытер пальцы и перехватил бутылку. — Это для антуража выставлено, я не разрешал открывать.

— Почему? — Цинь Цзуй недоуменно посмотрел на него.

— Тебе завтра на учебу, мне — в офис. Нынешняя ночь не располагает к пьянству, — Цзян Чу поднялся, дошел до холодильника и вытащил две бутылки соевого молока. Не найдя глазами открывалку, он просто ткнул их парню в руки: — Зубами давай.

Цинь Цзуй со скепсисом оглядел Соевое молоко Вита, но спорить не стал. Раздалось два коротких щелчка — парень привычно и легко сдернул крышки зубами.

— Пока отставь, чокнемся после двенадцати. Дай я сначала с лапой разберусь, — Цзян Чу вернулся к своему занятию и легонько пихнул парня пяткой по щиколотке. — Видел этот фильм?

— Нет, — Цинь Цзуй снова потянулся к пиву и без усилий сорвал зубами еще одну крышку. — Пей свое молоко, а мне от пары глотков ничего не будет.

Цзян Чу прекрасно знал, что этот чертяка глушит крепкий эрготоу как простую воду, так что несколько бутылок пива для него — все равно что лимонад. И все же, помня про завтрашнюю учебу, он не удержался от ворчания:

— Не увлекайся. Чисто символически, для приличия, и хватит.

— Угу, — отозвался Цинь Цзуй. — Даже если выпью больше, до твоего состояния мне далеко.

— Это до какого еще «моего»? — на автомате огрызнулся Цзян Чу.

Стоило фразе сорваться с губ, как оба синхронно вспомнили вчерашний конфуз, когда Цзян Чу вывернуло наизнанку прямо посреди их поцелуя.

Цинь Цзуй зашел в своих мыслях еще дальше, мгновенно связав это с теми жаркими воспоминаниями, которые совсем недавно прервали у него в комнате.

Они сидели плечом к плечу, повернув головы и молча глядя друг другу в глаза. Расстояние между ними стремительно сокращалось, грозя стать точь-в-точь как вчера.

— Сам прекрасно знаешь, — Цинь Цзуй запрокинул голову, сделал глубокий глоток пива и перевел взгляд на экран телевизора.

— Да ладно тебе, — Цзян Чу выбросил обглоданную косточку и неловко усмехнулся.

Вчера в голове все плыло, но теперь, на трезвый желудок, ситуация действительно казалась дико неловкой. В конце концов, сблизиться губами и тут же выдать струю — вершина позора.

Цзян Чу сделал глоток соевого молока и примирительно добавил:

— Ладно, куда уж мне до твоих талантов.

— Зачем равняться на меня? — Чжоу Тэн уселся у ног Цинь Цзуй, и парень легонько качнул щиколоткой, играя с его лапой. — Даже этот пес после пары бутылок держался бы достойнее.

Чжоу Тэн недовольно ткнул его лапой в ответ.

— Ты, я гляжу, в хорошем настроении прям соловьем заливаешься? — Цзян Чу цыкнул. — Подумаешь, чмокнул разок. С тебя что, кусок мяса отвалился? — Он стукнул своей бутылкой молока о пиво парня. — Ладно, двенадцать стукнуло. Сбрасывай хрустальные туфельки и беги, Золушка, пока карета не превратилась в тыкву.

Цинь Цзуй всматривался в лицо Цзян Чу несколько долгих секунд, лишний раз убеждаясь: этот человек порой бывал удивительно, непостижимо легким.

— Спасибо, — тихо произнес он, и в глубине его глаз промелькнула тень улыбки.

Цзян Чу уже открыл рот, чтобы выдать дежурную колкость, но у Цинь Цзюя зазвонил телефон.

В голове Цзян Чу сам собой возник образ Лян Сяоцзя.

И точно — парень взял трубку, скрылся на балконе и застрял там минут на пятнадцать.

Когда Цинь Цзуй вернулся в комнату, Цзян Чу уже заканчивал уничтожать остатки баранины с зирой, принесенной днем от отца.

— Друг твой? Поздравлял? — поинтересовался Цзян Чу, перекладывая последние кусочки мяса в миску парня и отодвигая пустую тарелку.

Цинь Цзуй коротко кивнул. Радостным он не выглядел — скорее, погруженным в какие-то свои, не самые приятные мысли.

— Давно хотел спросить, — как бы между прочим заметил Цзян Чу. — Вы с ним общаетесь так, словно вы парочка. Звонит каждый день, внимания требует... Слишком уж тесная дружба.

Этот Лян Сяоцзя и впрямь вызывал у него законное любопытство. Цзян Чу дружил с Да Бэнем и Фан Цзы тысячу лет, но они никогда не висели на трубке сутками. Да что там друзья — все его бывшие девицы, вместе взятые, не отличались такой навязчивостью. К тому же, когда парни звонят поздравить друг друга, разговор редко длится дольше пары минут — если только они не набрались в хлам или кто-то не просит займы. Не знай он наверняка, что этот Сяоцзя — парень, ни за что бы не поверил, что у Цинь Цзюя нет тайной подружки.

Цинь Цзуй промолчал. Он быстро набрал сообщение в WeChat, отбросил телефон на диван и, сделав еще глоток пива, коротко отрезал:

— Не будем о нем.

— Ну тогда давай о твоей матери, — Цзян Чу поднялся, чтобы размять затекшие ноги, и закрутил головой в поисках телефона.

Цинь Цзуй откинулся на подушки, подогнув ногу и небрежно закинув руку на спинку дивана. Он молча наблюдал за ним.

— Ты сегодня слишком остро отреагировал, — заметил Цзян Чу. — Когда ты только приехал и она буквально спихнула тебя мне на руки, ты ведь не устраивал подобных сцен.

Цзян Чу хотел было добавить, что устраивать бунт из-за перепутанной буквы в имени — детство какое-то, да и перепутать дату рождения вполне реально. Его собственная мать, когда он перешел в среднюю школу, как-то раз по старой памяти ушла на родительское собрание в

начальную.

Подобные вещи начинаешь понимать, только когда взрослеешь. Бизнес, семья, обязательства, дети, бесконечные проблемы... Взрослым приходится держать в голове столько забот, что уследить за каждой мелочью просто нереально. Сам он еще не докатился до состояния «старики на руках, дети на шее», но даже забота о своей скромной конторе и собственной шкуре порой выматывала его так, что хотелось выть. Чего далеко ходить — в первый же учебный день Цинь Цзуй он сам благополучно о нем забыл.

Однако слова так и не сорвались с губ. Отношения этой матери и сына явно были слишком сложными, чтобы мерить их банальными обидами на забытый праздник. Раздавать советы со своей колокольни в такой ситуации было бы верхом эгоизма.

— К тому же перед моим уходом она просила передать извинения, — добавил Цзян Чу. — Сказала, что просто растерялась в моменте.

Так и не обнаружив телефон, он нащупал в кармане пачку. Щелкнув зажигалкой, он прислонился к обеденному столу и глубоко затянулся.

— Значит, раньше тебя действительно звали так, как на торте? — спросил он. — А потом ты сменил имя на «Цинь Цзуй»?

Цинь Цзуй долго хранил молчание. Его лицо оставалось маской, в нем не было и следа дневной ярости — только отрешенный взгляд, устремленный на мерцающий экран.

Сигарета Цзян Чу почти истлела до самого фильтра. Решив, что парень закроется в себе, он уже собирался перевести тему, когда Цинь Цзуй глухо спросил:

— Неужели она вам ничего не рассказывала?

— Рассказала бы — я бы сейчас не допытывался, — Цзян Чу бросил ему пачку сигарет с зажигалкой. — Бери одну. Ты мне днем всю пачку спустил.

— Отец напоил ее до беспамятства, так я и получил. На тот момент она уже нашла работу в Пекине и твердо решила подать на развод, — Цинь Цзуй вытянул сигарету и поднес огонь к кончику. Голос его звучал жутковато-обыденно. — По сути, он ее изнасиловал.

Цзян Чу оцепенел.

Этот малый умел заходить с козырей: либо молчал как сыч, либо выдавал такое, что любые слова застревали в горле.

— Она всю жизнь его презирала. До сих пор не понимаю, зачем они вообще сошлись, — Цинь Цзуй затаился, уставившись в телевизор.

Ко всем этим подробностям, которые он с малых лет впитывал из соседских сплетен и пьяного бормотания отца, у него давно выработался стойкий иммунитет.

— Старик надеялся, что ребенок удержит ее, заставит остепениться и смириться, — серый столбик пепла обвалился ему на джинсы, и Цинь Цзуй небрежно смахнул его пальцем. — Наверное, она честно пыталась «смириться» какое-то время. Но меня она люто возненавидела.

— Имя она мне выбирала сама. Отец тогда пытался загладить вину, поэтому разрешил записать меня под ее фамилию, — продолжил Цинь Цзуй. — Маленьким я ничего не понимал, а повзрослел — дошло. Наверное, стоит радоваться, что она не назвала меня «Грехом» прямым текстом.

У Цзян Чу пересохло в горле. История была до крайности паршивой. Навалившийся шок смешался с острым сожалением о том, что он вообще полез с расспросами.

— А твое нынешнее имя?.. — нахмурившись, спросил он.

— Сам пошел и сменил, — Цинь Цзуй повернулся к нему. — В шестнадцать лет. Сделал себе подарок на день рождения.

В груди у Цзян Чу что-то болезненно и резко сжалось.

— Я могу понять ее ненависть. Понимаю, почему она сбежала и больше не хотела меня видеть, — Цинь Цзуй сделал паузу. — Но я не считаю, что виноват в своем рождении.

— Конечно нет, — твердо отозвался Цзян Чу.

— Я не хотел оставаться ее вечным грехом и ненавидел то имя, — продолжал Цинь Цзуй, невидящим взором уставившись в экран. — Когда она вдруг завела разговор о дне рождения, мне показалось... я подумал, она хочет сделать шаг навстречу. Но судя по сегодняшнему торту, она и сама не ведает, сможет ли когда-нибудь меня принять за то, что я существую.

Цинь Цзуй умолк. В комнате зазвучал лишь невнятный гул из динамиков телевизора да негромкий щелчок — парень откупорил очередную бутылку.

Цзян Чу исподлобья разглядывал его профиль. Мерцающий свет экрана выхватывал из полумрака резкие, красивые черты повзрослевшего парня. Он выглядел независимым и чертовски привлекательным, но на душе у Цзян Чу от этой картины стало невыносимо тошно.

Такого откровения он не ожидал. Дикие сюжеты из криминальных хроник или дешевых сериалов внезапно ворвались в его реальность. Причем главным героем этой драмы оказался парень, сидевший сейчас с ним плечом к плечу.

Попадись ему такая история на просторах сети, он бы цинично пролистнул ее, хмыкнув про себя.

«И зачем ей эта обуза? Бывший муж-насильник благополучно сдох, парень уже совершеннолетний, руки-ноги на месте — какого черта он приперся из нее кровь пить? А мать тоже хороша, решила в святую Марию поиграть на старости лет».

Но сейчас, видя перед собой Цинь Цзюя, он не мог судить ни мать, ни сына. Цзян Чу лишь мысленно выругался, в сотый раз обозвав покойного папашу парня конченым ублюдком.

Паршивее всего было то, что этот подонок уже сдох, оставив после себя двух искалеченных людей и пропасть длиной в двадцать лет, которую никакая принудительная материнская любовь преодолеть не могла.

— Правильно сделал, что сменил! — выпалил Цзян Чу после затянувшейся паузы. Голос прозвучал так громко, что парень даже вздрогнул.

Он придвинулся вплотную, крепко сжал плечо Цинь Цзюя. На душе было мутно и тоскливо. Не выдержав, он бесцеремонно вырвал у парня бутылку и сделал глубокий глоток.

— Я вообще-то из нее пил, — Цинь Цзуй не сводил глаз с Цзян Чу. Его взгляд скользнул по влажным от пива губам мужчины и поднялся к глазам.

— Я же сказал, что брезгливостью не страдаю. Хватит ныть, — Цзян Чу раздраженно сунул ему в руки новую бутылку. — Открывай давай.

Цинь Цзуй слабо усмехнулся, послушно щелкнул зубами по крышке и негромко чокнулся о бутылку Цзян Чу.

Обычно Цзян Чу после спиртного отключался, едва добравшись до постели, но этой ночью проверенный метод подвел.

В третьем часу ночи он все еще лежал без сна, глядя в потолок. В голове навязчиво прокручивался разговор: выражение лица Цинь Цзюя, его пугающе спокойный тон, тяжелый взгляд.

Цзян Чу пытался примерить на себя роли обоих участников этой драмы, но чем глубже он вникал в мотивы Цинь Шумань и Цинь Цзюя, тем яснее понимал — этот узел невозможно развязать. Ситуация была абсолютно тупиковой.

Цинь Шумань несколько лет жила в аду, силясь смириться. Когда сын нашел ее, она через силу попыталась организовать этот праздник, наверняка судорожно убеждая себя в том, что ребенок ни в чем не виноват. Но ведь изначально этот ребенок не был нужен вообще никому. Мать стояла на пороге развода, мечтательно планируя новую жизнь — а получила лишь искалеченную судьбу по вине ублюдка-отца.

Про самого Цинь Цзуя и говорить нечего. Он с рождения стал заложником чужого греха, живым воплощением чудовищной ошибки. К тому же этот алкаш-родитель успел приучить мальчишку к выпивке. Парень умел и готовить, и вести хозяйство, привык помалкивать и не отсвечивать — вырос как дикий щенок, предоставленный самому себе.

— Да чтоб тебя, — Цзян Чу раздраженно перекатился на другой бок и потянулся к стоявшему на зарядке телефону.

Экран высветил два новых сообщения в WeChat.

Одно пришло от Чэнь Линьго в час сорок ночи, но она уже успела его отозвать. Цзян Чу лишь недоуменно хмыкнул. Не став ломать голову, он открыл чат с Да Бэнем и отправил короткое емкое: «Пиздец».

Да Бэнь: «Что стряслось? Подарок не зашел?»

Цзян Чу: «Ты чего не спишь?»

Да Бэнь: «Поссать встал. А у тебя че?»

Да Бэнь: «Ну колись, мне же дико интересно, как мелкий отреагировал!»

Цзян Чу: «Завтра при встрече расскажу».

Да Бэнь: «Сука».

Да Бэнь: «Ну ты и гондон».

После этой короткой дружеской пикировки на душе немного отлегло. Цзян Чу отправил ему дурацкий стикер и принялся лениво листать ленту новостей.

Когда в ленте промелькнула аватарка «Цинь Цзуй второго тона», он сначала даже не сообразил. Пролистав еще немного вниз, он вдруг на секунду замер, вернулся назад и всмотрелся в имя. Ошибки быть не могло — это был аккаунт Цинь Цзуя.

Он зашел в профиль. На абсолютно пустой до этого стене наконец-то красовалась первая запись. Правда, ничего содержательного там не было — всего один лаконичный эмодзи в виде пивной бутылки.

Цзян Чу интуитивно почувствовал: мелкий запостил это исключительно для него одного. Улыбнувшись, он оставил под постом короткий комментарий в виде двух чокающихся кружек.

Утром Цзян Чу проснулся от дикого, нестерпимого желания облегчиться.

То ли виной тому была та злополучная бутылка теплого пива, то ли напутствие Да Бэня, но всю ночь ему снились кошмары, в которых он безуспешно искал работающий туалет.

Кое-как вырвавшись из плена сновидений, он с растрепанной шевелюрой вывалился из спальни. В этот момент в прихожей обувался Цинь Цзуй. Закинув рюкзак на одно плечо и придерживаясь за стену, парень обернулся на скрип двери.

— Который час? Чего так рано сегодня? — Цзян Чу сонно прищурился, пытаясь рассмотреть настенные часы.

— Дежурство сегодня, — Цинь Цзуй опустил взгляд на его бедра.

Цзян Чу стоял перед ним в одних трусах, и взгляд парня на секунду задержался ниже его живота.

— Ну тогда топай. И поесть не забудь, — зевнул Цзян Чу, берясь за ручку двери санузда.

Внезапно Цинь Цзуй издал негромкий, оценивающий свист.

От неожиданности у Цзян Чу едва не случился конфуз на месте. Он вздрогнул всем телом и в шутку замахнулся ногой, целясь парню по заднице:

— Ах ты говнюк мелкий! Совсем страх потерял — брату вслед насвистывать?

Цинь Цзуй со смехом распахнул дверь и, многозначительно кивнув в сторону его паха, бросил напоследок:

— А у тебя там приличный калибр.

Дверь с грохотом захлопнулась.

Цзян Чу пару секунд простоял столбом, переваривая услышанное, после чего опустил руку и

ощупал сквозь ткань боксеров своего бодро вставшего с утра «младшего брата». На душе было одновременно и зло, и дико смешно.

Злопамятный щенок.

<http://bllate.org/book/18398/1771452>